

УДК 811.51, 81'342.4
UDC 811.51, 81'342.4

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatiana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
t_kravetc@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Nadezhda Ya. Bulatova
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russian Federation
bulatovany@gmail.com

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ СИНГАРМОНИЗМА В ВОСТОЧНОМ НАРЕЧИИ
ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА*
VOWEL HARMONY IN THE EASTERN DIALECT GROUP
OF THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация

Структурной особенностью, объединяющей тюркские, монгольские и тунгусские языки, является сингармонизм (или гармония гласных – уподобление гласных в пределах одного слова). Для фонетики эвенкийского языка, который по существующей классификации языков мира относится к тунгусо-маньчжурской группе, характерен закон сингармонизма, когда все гласные эвенкийского языка делятся на две гармонирующие группы и одну нейтральную. Первая группа (твёрдорядная): /e:/, /a/, /a:/, /o/, /o:/; вторая (мягкорядная): /z/, /z:/; нейтральная: /i/, /i:/, /u/, /u:/. Сущность сингармонизма в эвенкийском языке заключается в управлении дистрибуцией твёрдорядных и мягкорядных гласных, входящих в состав слова, при полном подчинении гласных суффикса гласному корню слова. Авторы приходят к выводу, что для селемджинского говора эвенкийского языка характерен смешанный тип гармонии гласных: палатальная гармония (регулиру-

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-04-12004в

ющая не только дистрибуцию гласных, но и твёрдых и мягких аллофонов предшествующих согласных в слове) и лабиальная гармония, реализующаяся для краткой фонемы /o/. Нарушения гармонии гласных, характерные для литературного эвенкийского, могут устраняться посредством феномена восточного аканья.

Abstract

Structural feature uniting the Turkic, Mongolian and Tungus languages is vowel harmony (assimilation of vowels within a single word). Phonetics of the Evenki language, which belongs to the Manchu-Tungus group, according to the current classification of the languages of the world, is characterized by the vowel harmony law, when all the vowels of the Evenki language are divided into two harmony groups, and a neutral one. Group 1 (hard): /e:/, /a/, /a:/, /o/, /o:/; Group 2 (soft): /э/, /э:/; Neutral Group: /i/, /i:/, /u/, /u:/. In accordance with vowel harmony law, within a single word, the distribution of hard and soft vowels in the word suffix is strictly determined by the vowel in the word root. We conclude that vowel harmony in Selemdzha local accent of the Evenki language is of mixed type: palatal harmony (that regulates not only vowel distribution but the distribution of hard and soft allophones of the previous consonant within the syllable) accompanied by labial harmony functioning for the short phoneme /o/. Vowel harmony violations characteristic for Standard Evenki can be eliminated by the phenomenon of Eastern a-type accent.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурская группа, сингармонизм, эвенкийский язык, селемджинский говор, твёрдорядные и мягкорядные гласные, широкие и узкие гласные.

Keywords: the Tungus-Manchu group, vowel harmony, the Evenki language, Selemdzha local accent, hard and soft vowels, open and narrow vowels.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_4_45_65

1. Введение

Макросемья алтайских языков включает в себя три обыкновенно выделяемых семьи: тунгусскую, монгольскую и тюркскую. На тунгусо-маньчжурских языках говорят в северной и восточной Сибири, Дальнем Востоке России, а также в северо-восточном Китае. Семья включает в себя эвенкийский, эвенский, негидальский, ороchonский, нанайский, ульчский, орокский, ороchский, удэгейский языки и маньчжурский (в настоящее время почти исчезнувший). По мнению Э. Р. Тенишева, все вышеперечисленные языковые семьи характеризуются фундаментальным структурным сходством как на грамматическом уровне, так и на основании систематических фонетических соответствий [Тенишев, 1997, с. 13].

Для большинства алтайских языков характерен ряд черт, важнейшая из которых – агглютинативная морфология. Сопутствующим агглютинации, например, в тюркских языках, как отмечает М. А. Черкасский, является сингармонизм, связанный с сохранением определённого режима, постоянного качества гласных, а иногда и согласных [Черкасский, 1965, с. 10]. Сингармонизм или уподобление гласных в пределах одного слова

является структурной особенностью, объединяющей тюркские, монгольские и тунгусские языки.

На сегодняшний день феномен сингармонизма можно считать более или менее изученным, поскольку получены определённые выводы о месте данного явления в просодической системе языков мира, описаны его языковые функции. Как объект исследования сингармонизм рассматривался с разных точек зрения: в качестве морфонологического явления [Богородицкий, 1953 ; Реформатский, 1966], в рамках общей фонологической теории [Трубецкой, 1987], как средство словообразования [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Отмечается просодическая роль сингармонизма [Бодуэн де Куртенэ, 1963 ; Щербак, 1970 ; Виноградов, 1966]. Некоторые лингвисты рассматривали сингармонизм с ассимилятивной точки зрения, считая ассимиляцию одним из проявлений сингармонизма [Кононов, 1976 ; Поливанов, 1991]. Кроме этого, высказывалось мнение о тесной связи закона гармонии с агглютинацией [Суник, 1957 ; Черкасский, 1965 ; Гаджиева, 1997 ; Серебренников, 1986 ; Тенишев, 1997]. Учёными выдвигалась также точка зрения о распространении сингармонизма только на аффиксы, но не на корни [Богородицкий, 1953 ; Трубецкой, 1987] и так далее.

2. Понятие сингармонизма

В Большом энциклопедическом словаре по языкознанию сингармонизм определяется как морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом оформлении слова как морфологической единицы; при этом структуре слова выделяется независимый компонент, как правило, корень и зависимые компоненты – аффиксы [Ярцева, 2000, с. 445]. В словаре лингвистических терминов сингармонизм или гармония гласных определяется как дистантная ассимиляция аффиксальных гласных корневым [Ахманова, 2007, с. 405].

Типы сингармонизма отличаются по определённым признакам: по ряду – тембровый сингармонизм, по огубленности – лабиальный сингармонизм, по подъёму – компактный сингармонизм [Ярцева, 2000, с. 445]. Классический тембровый сингармонизм состоит в следующем: если в основе (первой части) слова встречаются гласные переднего ряда, все появляющиеся в вариантах суффиксы дают гласные переднего (мягкого) ряда; если основа имеет гласные заднего (твёрдого) ряда, то и в суффиксах тоже присутствуют гласные заднего ряда. Но, как отмечает А. Э. Мешадиева, проявляется данная особенность внутри языковой семьи по-разному [Мешадиева, 2004, с. 6]. Суть компактного сингармонизма состоит в невозможности употребления узких и широких гласных в одном слове – эти гласные будут взаимоисключающими. Законы лабиального сингармонизма требуют огубленных гласных в суффиксах, если гласный корня огубленный.

В возникновении закона сингармонизма основную роль играют закономерные связи гласных звуков. К ведущим факторам закона гармонии относится иерархия сильных-слабых звуков, которая является основным

принципом их внутренних связей. Взаимодействие равноправных и сильных звуков осуществляется на основе данной иерархии. В законе сингармонизма наблюдается также сопровождение сильных звуков слабыми, что является своего рода парадоксом данной системы связей [Юсифов, 1986, с. 25].

Рассуждая о сингармонизме, В. Б. Касевич отмечает: «Во-первых, законы сингармонизма определяют фонологический облик морфем, диктуя, какие фонемы могут сочетаться в пределах морфемы, а какие – нет. Во-вторых, фонемы аффиксов в сингармонических языках варьируют в зависимости от фонологических характеристик корня, «при котором» они находятся. В-третьих, законы сингармонизма определяют фонологический облик слова (словоформы) в целом» [Касевич, 1986, с. 119–120].

3. Типы сингармонизма в тюркских языках

Значимой характеристикой тюркских гласных, которую обнаруживают ещё в древних тюркских языках, является разделение гласных на твёрдые и мягкорядные, то есть каждой гласной фонеме твёрдого ряда соответствует гласная фонема мягкого ряда: а/ä, о/ö, у/ü, и/і (здесь и далее графика и транскрипция использованы в авторской редакции – Т. К. и др.) [Гилязетдинова, 2010, с. 16].

Здесь возможно общefonетическое сходство с явлением умлаута в германских языках, однако своеобразие тюркских языков, по мнению А. М. Щербака, заключается не только в том, что общие моменты имеют в них совершенно иную природу, чем в индоевропейских языках, но и в том, что эти моменты, из-за многократного влияния одних тюркских диалектов на другие, труднее поддаются разграничению [Щербак, 1970, с. 17].

А. А. Реформатский считает сингармонизм в тюркских языках не просто фонетическим явлением и не только разновидностью ассимиляции, а фундаментальным структурно-типологическим явлением, затрагивающим не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический [Реформатский, 1966, с. 434].

Для тюркского вокализма характерны одновременно два типа гармонии: сингармонизм гласных слова по ряду – переднему / заднему (традиционно именуется «нёбной», или «палатальной», гармонией) – и сингармонизм гласных слова по огубленности («губная» гармония). Наличие палатальной гармонии гласных и нередко сопровождающего её губного сингармонизма, противопоставление гласных по признаку ряда, связанное с гармонией гласных противопоставление переднеязычных и заднеязычных согласных, ограниченность сочетаний нескольких согласных в начале слова, на стыках морфем или в абсолютном исходе слова и связанная с этими явлениями особая типология слогов являются причинами относительно большей простоты дистрибутивных отношений фонем в тюркских языках по сравнению, например, с индоевропейскими [Гаджиева, 1997, с. 25].

А. Э. Мешадиева [Мешадиева, 2004, с. 45–46] также отмечает, что лабиальная гармония тесно связана с палатальной, и вместе они составляют единую систему сингармонизма. В ходе длительного развития и фор-

мирования языков, эти ассимиляции (лабиальная и палатальная) претерпевали различные преобразования и приобретали различные формы проявления в отдельных языках и диалектах; в некоторых языках наблюдалось практически полное утрачивание указанных ассимиляций, а в других языках отмечалось возвращение к прежним или в определённой степени изменённым формам. Автор подчёркивает, что в процессе развития и воздействия на тюркские языки различных субстратов и адстратов фонетический строй отдельных конкретных тюркских языков в той или иной степени подвергся изменению, и каждый из этих языков приобрел присущие ему особенности [Мешадиева, 2004, с. 6].

Относительно палатальной гармонии важно отметить, что, несмотря на фонологическое противопоставление твёрдорядных и мягкорядных гласных, в тюркских языках, как отмечает А. М. Щербак, существует большое количество слов, выступающих в двух вариантах – твёрдом и мягком, но передающих одно и то же значение. Это явление называют «сингармоническим параллелизмом», и оно может встречаться как в разных тюркских языках, так и в одном, например, башк. *байрам* – тат. *Бәйрәм* «праздник»; азерб. *окуз* и *өкүз* «бык». Неустойчивость качества гласных в отношении твёрдости / мягкости находится в прямой зависимости от возможности перехода слова по характеру вокализма из одного ряда в другой [Щербак, 1970, с. 36].

Э. Р. Тенишев подчеркивает, что сингармонизм является основным акцентным средством в тюркских языках, характеризующим слово, а ударение является дополнительным акцентным средством. Поэтому, чем более последовательно проводится сингармонизм, тем роль ударения становится меньше и наоборот, чем больше нарушений, тем весомее становится ударение в комбинации с набором грамматических средств, которыми различаются звуковые комплексы [Тенишев, 1984, с. 439].

4. Закон гармонии гласных в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийский язык)

Наличие гармонии гласных отмечается для всех языков тунгусо-маньчжурской группы [Цинциус, 1949]. Тип сингармонизма для данной группы определяется как компактный – гармония гласных по подъёму [Черкасский, 1965, с. 10; Селютина, 2014]. Как и другие алтайские языки, эвенкийский язык традиционно характеризуется наличием гармонии гласных по подъёму [Афанасьева, 2010, с. 63–64]. В. А. Горцевская указывает на то, что и в литературном эвенкийском, и на материале гласных баргузинского говора эвенкийского языка (одного из говоров восточного наречия) сингармонизм проявляется не в таком чистом виде, как, например, в языках турецких [Горцевская, 1936, с. 13]. Отсутствие классической тембровой гармонии объясняется, в частности, по словам В. И. Цинциус, «смещением гласных по признаку ряда: артикуляционная чёткость противоположения гласных одного ряда («заднего») гласным другого ряда («переднего») стёрта» [Цинциус, 1949, с. 121]. Другое мнение выражено Е. Ф. Афанасьевой, которая считает, что смещения нет и что законы син-

гармонизма в эвенкийском языке распространяются не на всё слово, а до первого широкого долгого гласного и далее начинают действовать заново уже в зависимости от этого гласного.

По нашему мнению, противоречия, всё-же существуют. Как известно, эвенкийские гласные делятся на две гармонирующие и одну нейтральную группы. Первую группу составляют гласные /a/, /a:/, /e:/, /o/, /o:/, вторую – /з/, /з:/; нейтральную группу образуют гласные /i/, /i:/, /u/, /u:/, которые могут находиться как в словах с гласными первой группы («твёрдыми»), так и в словах с гласными второй группы («мягкими») [Цинциус, 1949, с. 121; Константинова, 1964, с. 17; Булатова, 2002, с. 5]. Противоречие видится в том, что в обеих гармонирующих группах имеются гласные среднего подъёма: /e:/, /o/, /o:/ – в первой группе по подъёму не противопоставлены гласным /з/, /з:/ второй группы. Кроме того, имеется логическое смешение сингармонических правил ряда и подъёма, когда выводится правило о том, что «<...> за гласными твёрдого ряда должны следовать широкие гласные <...>» [Афанасьева, 2010, с. 64].

Фактически гармония гласных в эвенкийском языке определяется по типу их взаимоотношений с согласными в слове и основывается на принципе противопоставления твёрдорядных гласных (гласных первой группы) мягкорядным (гласным второй группы) и заключается в том, что гласные этих двух групп не могут находиться вместе в одном и том же слове. Например, если в первом слове слова стоит мягкорядный гласный, то и во всех последующих слогах употребляются либо мягкорядные гласные, либо нейтральные, но не твёрдорядные. Если же в первом слове находится твёрдорядный гласный, то во всех последующих слогах употребляются либо твёрдорядные гласные, либо нейтральные, но не мягкорядные. Мягкорядные гласные определяют реализацию палатализованных (мягких) аллофонов согласных фонем, а твёрдорядные – твёрдых. Такая гармония определяется как палатальная.

В системе гармонии эвенкийских гласных краткие и долгие фонемы занимают разные позиции. Так, по мнению В. Котвича, слова, имеющие в своём составе лишь краткие гласные, подвергаются полной палатальной гармонии; слова, имеющие в своём составе долгие гласные, слабо подчиняются закону сингармонизма [Котвич, 1962, с. 97–98.].

Следует сказать ещё о ряде специфических моментов. Г. М. Василевич и Е. Ф. Афанасьева отмечают, что влияние одной гласной на последующие гласные в эвенкийском языке распространяется до первой широкой долгой гласной, которая, в свою очередь, оказывает влияние на следующие за ней гласные [Василевич, 1940, с. 16–17; Афанасьева, 2010, с. 63].

Учитывая то, что по закону гармонии в литературном эвенкийском за гласными «твёрдого» ряда должны следовать широкие гласные /a/, /a:/ (для /o/ – /o/, /o:/), в определённых случаях происходит нарушение гармонии: долгая /a:/ частично «сдвинута» в сторону «мягкого» ряда [Афанасьева, 2010, с. 64], поскольку она требует после себя краткую /з/ вместо ожидаемой /a/. Например: *havā* «работа» (им. п.) – *havā-вэ* «работу» (вин. п.), но при последующей долгой широкой гласной равновесие восстанавливает-

ся: *havā-vān* «его работу» (вин. п. с притяж. суф. 3-го л., ед. ч.). Поэтому в эвенкийском языке суффиксы с широкими гласными не имеют единого стабильного вида, а имеют три варианта: *-ва/-вэ/-во* (вин. п.), *-лā/-лэ/-лō* (местн. п.), *-дя/-де/-дө* (глагол. несов. вида) и другие. Например: *нанна-ва* «шкуру» (вин. п.) – *нанна-лā* «на шкуру» (мест. п.); *того-во* «огня» (вин. п.) – *того-лō* «в огонь» (мест. п.); *эмкэ-вэ* «люльку» (вин. п.) – *эмкэ-лэ* «в люльку» (мест. п.) [Афанасьева, 2010, с. 64]. Однако восточное аканье способствует сохранению гармонии (ср. лит. *havā-vэ*, но вост. *havā-ва*).

Как было указано выше, узкие гласные /i/, /i:/, /u/, /u:/ образуют третью, нейтральную, группу. В позиции гласных не первых слогов они постоянны, но они небезразличны к характеру гласной последующего слога в роли корневых гласных – более широкой /a/ в противоположность более узкой /з/¹ – традиционный компактный сингармонизм в действии. Например: *иллэ* «тело» – *иллэвэ* «тела» (вин. п.), но *илан* «три» – *иланма* «трёх» (вин. п.); *хутэ* «дитя» – *хутэвэ* «дитя» (вин. п.), но *хутама* «огненный» – *хутамава* «огненного» (вин. п.) [Афанасьева, 2010, с. 64].

Причина данных различий в том, что в историческом прошлом были две различные фонемы /i/ и две различные фонемы /u/, которые гармонировали с гласными разного ряда: твёрдорядной /a/ и мягкорядной /з/. В настоящий момент в современном эвенкийском языке существует только одна гласная фонема /i/ и одна гласная фонема /u/ [Афанасьева, 2010, с. 64].

В ряде говоров восточного наречия (токкинском, курурмийском, сахалинском) О. А. Константинова также отмечает акустическое и артикуляционное различие между гласным [i], гармонирующим в словах с э (*иллэ* «тело»), и гласным [i], гармонирующим в словах с а (*илан* «три»). В первом случае аллофон фонемы /i/ более закрытый, во втором – более открытый (артикуляция при несколько более опущенной спинке языка). Однако указанное различие реализаций гласной /i/ в названных выше говорах, по мнению О. А. Константиновой, уже не являлось на момент опубликования работы фонематически значимым [Константинова, 1964, с. 7].

В своей предыдущей работе [Константинова, Лебедева, 1953] О. А. Константинова в соавторстве с Е. П. Лебедевой, отмечает, что, если в составе основы имеются узкие гласные /u/ и /i/, то различить, к какому гармонирующему ряду («твёрдому» или «мягкому») относятся данные гласные звуки слова, бывает трудно, так как в современном эвенкийском языке различить на слух произношение /u/ и /i/ первого («твёрдого») ряда от /u/ и /i/ второго («мягкого») ряда не всегда возможно. Однако эти различия существуют, о чём свидетельствует гармония гласных. В словах, содержащих в основе гласные /u/ и /i/ первого ряда, в суффиксах также следуют гласные первого ряда: *дюва* «юрту», *тумуква* «гнездо», *сулакива* «лису» (суффикс вин. п. в этих словах имеет гласную первого ряда /a/).

В словах, в которых основа содержит гласные /u/ и /i/ второго ряда, в суффиксах следуют гласные второго ряда: *улукивэ* «белку», *хинукивэ* «ряб-

¹ В литературном варианте эвенкийского языка без учёта восточного аканья.

чика», *умукэнмэ* «одного» (суффикс вин. п. имеет, в отличие от предыдущих примеров, гласную второго ряда /з/).

Различить, к какому ряду относятся /u/ и /i/ в слове, можно следующим образом: в тех словах, где, кроме /u/ и /i/, есть широкие гласные /a/ и /з/, можно различать по этим гласным; например, в слове *сулаки* «лиса», кроме /u/ и /i/, есть гласная /a/, следовательно, /u/ и /i/ в этом слове первого ряда. В слове *умукэн* «один», кроме /u/, есть гласная /з/, следовательно, /u/ в этом слове второго ряда. Если же в составе слова, кроме /u/ и /i/, других гласных нет, то это слово следует так изменить, чтобы в его составе была гласная /a/ или /з/, и по этим гласным установить ряд /u/ и /i/. Знать ряд, к которому относятся гласные слова, необходимо, так как на этом основаны многие правила орфографии [Константинова, Лебедева, 1953].

В сахалинском говоре Н. Я. Булатовой была отмечена неспособность информантами различать на слух гласный [i] твёрдого ряда и гласный [i] мягкого ряда, хотя в артикуляционном плане небольшую произносительную разницу между данными гласными представители старшего поколения на момент обследования автором сахалинского говора сохраняли. Примеры: *инамуллан* «он заплакал» и *инемуллэн* «он засмеялся», *инңакта* «шерсть» и *инңэктэ* «черемуха». Различия же между гласным [u] твёрдого ряда и гласным [u] мягкого ряда, по мнению Н. Я. Булатовой, утрачены [Булатова, 1999, с. 17].

Решение дискуссионного вопроса о наличии разных по качеству гласных /i/ и /u/ твёрдого и мягкого рядов ждёт своего исследователя. А. А. Бурыкин [Бурыкин, 2000] связывает это с тем, что экспериментально-фонетические работы на материале эвенкийского языка, выполненные с использованием современной аппаратуры, довольно немногочисленны. Например, издана монография Т. Е. Андреевой, в которой рассматривается вокализм и консонантизм одного из эвенкийских диалектов Якутии, принадлежащего к восточному наречию эвенкийского языка, заметно отличающегося от письменного языка [Андреева, 1988]. Однако это исследование оставило открытыми многие спорные вопросы фонетики эвенкийского языка, в частности, в нём так и не дан ответ на вопрос, являются ли разные по сингармоническому ряду звукотипы кратких гласных /i/, /u/ и соответствующих им долгих гласных в эвенкийском языке самостоятельными фонемами (как это имеет место в эвенском языке) [Бурыкин, 2000].

Вопрос об отсутствии чёткого противопоставления гласных этимологически переднего и заднего рядов следует считать открытым, пока не будет проведён тщательный анализ значений F2 (и соотношения F1–F2) для всех эвенкийских гласных.

Что касается уподобления по участию губ, то лабиальной гармонии в эвенкийском языке не происходит в тех случаях, когда суффиксы с широкими гласными присоединяются после других суффиксов с гласными у и и: *орон-мо* «оленя» (-мо суффикс винительного падежа), но *орон-ди-вар* «своим оленем» (-ди суффикс творительного падежа, -вар возвратно-притяжательный суффикс). В этом случае наличие гласной а в слове *оронди-вар* зависит не только от гласной в основе, но и от гласной в предыдущем суффиксе [Константинова, Лебедева, 1953].

5. Акустический анализ

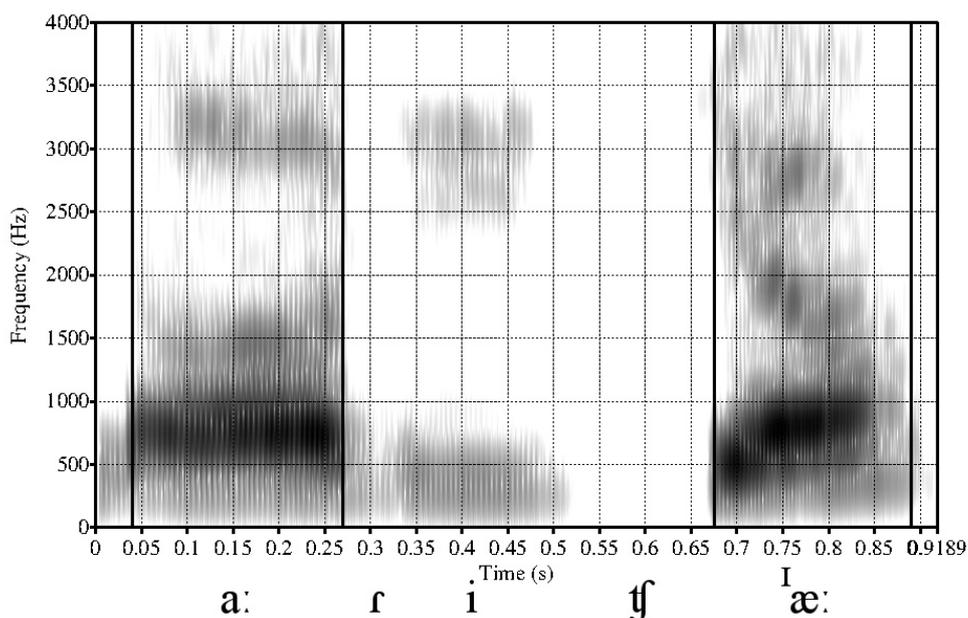
5.1. Материал и методика исследования

В ходе исследования был использован звуковой материал, полученный от одного мужчины (Dm) и двух женщин (Df1, Df2) в возрасте 54–80 лет, для которых эвенкийский язык является в полном смысле родным, то есть усвоенным с самого раннего возраста в кругу семьи, а русский – вторым языком, усвоенным в период обучения в школе (с семи лет). Все дикторы демонстрируют полный билингвизм (т. е. свободное владение обоими языками).

5.2. Результаты исследования. Своеобразие сингармонизма селемджинского говора эвенкийского языка

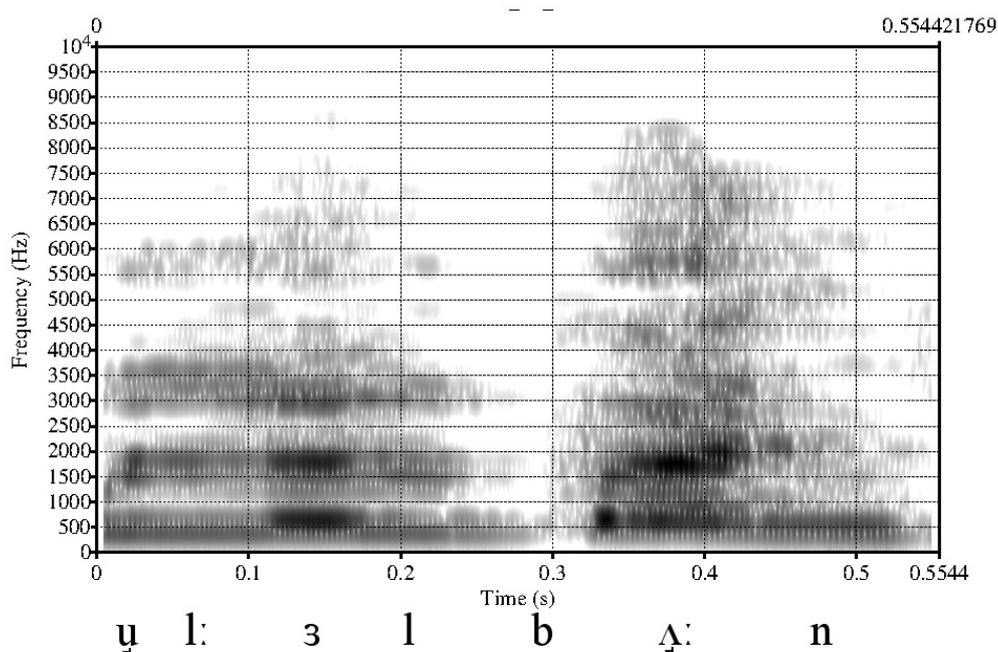
Речь эвенков Приамурья отличается своим звуковым своеобразием, которое было отмечено ещё известным тунгусоведом-исследователем Г. М. Василевич [Василевич, 1948]. Так, например, селемджинский говор относится к восточному наречию, особенностью которого является акающий акцент [Булатова, 1987, с. 13] по сравнению с литературным эвенкийским языком. Своеобразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка проявляется в отличном от литературного эвенкийского произнесении долгой гласной /з:/, которая в речи селемджинских эвенков приобретает а-образный характер. Аканье наблюдается и при произношении краткой /з/, преимущественно в последних слогах слова. Например, *ңала* (лит. *ңālэ*) «рука», *вāран* (лит. *vārэн*) «убил» [Булатова, 1987, с. 13]. Данная диалектная фонетическая черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих» диалектов [Морозова, Кравец, 2017, с. 6]. На рисунке 1 показана спектрограмма слова *эричэ* «позвал», реализованное в речи диктора Df2 как [a:riʃʌ:], иллюстрирующего указанную особенность. Формантные характеристики гласного первого слога составляют FI–FII = 717–1429 Гц, гласного в абсолютном исходе слова – FI–FII = 787–1638 Гц. Высокие значения первой форманты гласных позволяют заключить, что реализовались звуки низкого подъёма, не соответствующие коррелятам гласной среднего подъёма центрального ряда /з:/.

Обратимся к вопросу, влияет ли аканье на специфику эвенкийского сингармонизма в селемджинском говоре. В описанном на рисунке 1 примере это, похоже, не вызывает нарушений: оба гласных (первый и последний) переходят из второй гармонирующей группы гласных в первую. Однако остаётся вопрос о взаимоотношениях с предшествующим согласным. В данном случае они не меняются, поскольку перед первым гласным вообще нет согласного, а согласный /ʃ/ является системно мягким и не имеет твёрдых аллофонов. Поэтому необходимо дальнейшее изучение данного вопроса на материале согласных, которые имеют и твёрдые, и мягкие аллофоны.

Р и с у н о к 1. Реализация а-образных звуков в начальном и конечном слогах слова *эричэ* «позвал»

Если мягкость предыдущего согласного аллофона не сопровождает «аканье», то, вероятно, имеет место нарушение сингармонизма – появляется гласная конкурирующей первой группы (= первого твёрдого ряда). Это можно продемонстрировать на примере слова *уллэ-л-бэ-н* «мясо его» – мн. ч., вин. п. + личнопритяж. суф. 3 л., ед. ч. (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Реализация гласной /з:/ из слова *уллэ-л-бэ-н* «мяса его»

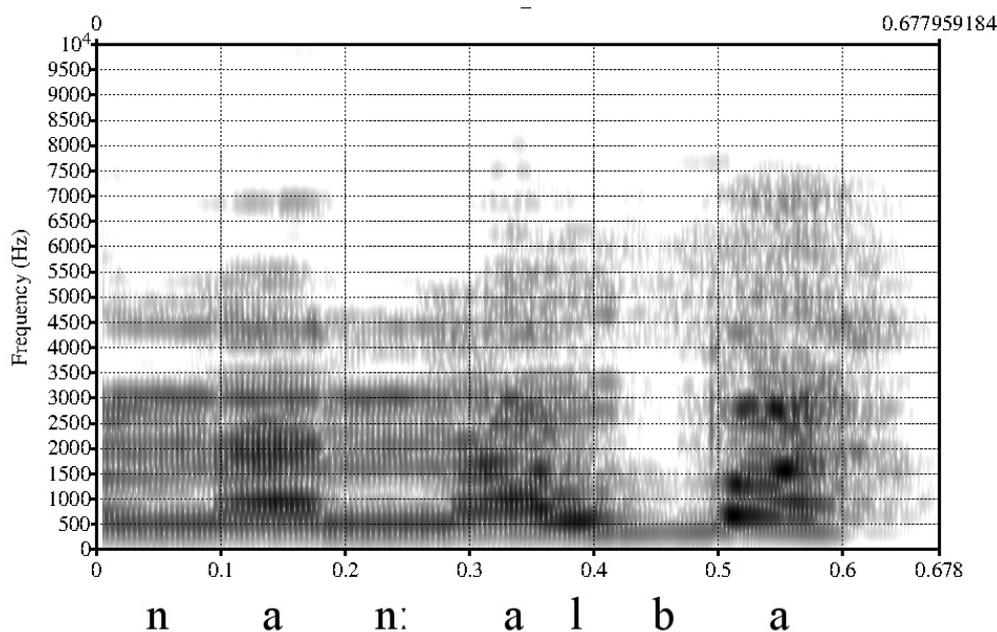
В состав основы *уллэ-* входит гласная второго мягкого ряда (фонологически краткая /з/). В составе суффикса этимологически также находится гласная второго ряда (фонологически долгая /з:/), однако на неё распространяется характерное восточное «аканье», что приводит к появлению гласной конкурирующего первого ряда, что как раз и нарушает гармонию гласных, которая на этот раз мягкостью согласного не поддерживается, поскольку перед а-образным гласным реализуется твёрдый аллофон фонемы /b/. (см. рис. 2). Формантные значения реализации /з/ соответствуют аллофону этой гласной после мягкого аллофона фонемы /i/ для женского голоса: F1=588, F2=1742. Формантные значения гласного на месте этимологической /з:/ (F1=669, F2=1711) указывают на реализацию заметно более открытого гласного, хотя расположение после губного смычного согласного этому не способствует. По ряду он более отодвинут, хотя разница по F2 несущественна.

5.2.1. Особенности палатального сингармонизма селемджинских эвенков

Итак, О. А. Константинова, описывая сингармонизм эвенкийских гласных, отмечает случаи нарушения действующего в литературном эвенкийском языке закона гармонии, когда после гласных /а/ и /о/ следует /з/, например: не *сāрāн* → а *сарэн*; не *орóктō* → а *ороктэ* [Константинова 1964, с. 17]. В селемджинском говоре в данных случаях реализуются а-образные гласные, фонемная принадлежность которых требует дополнительных исследований. Ранее проведённый акустический анализ реализаций на месте канонических /з:/ и /а:/ в разных позициях в слове и в окружении разных согласных подтвердил реализацию а-образного открытого гласного на месте канонической /з:/ [Морозова et al., 2017, с. 71]. Если речь идёт о полноценной фонемной замене /з:/ на /а:/, то в селемджинском говоре, в отличие от литературного эвенкийского, закон гармонии гласных не нарушается, а наоборот, поддерживается, проявляя свою специфику.

Ситуация, складывающаяся с аканьем, схожа с ситуацией относительно двух разных /i/ и двух разных /u/, существовавшей в историческом прошлом, отголоски которой, как было показано выше, проявляются и в настоящее время. В восточном наречии в целом и в его селемджинском говоре в частности имеются твёрдорядная /а:/ ([a:]) и мягкорядная /а:/ ([ä:]), образованная от этимологической /з:/. Первая сочетается в слоге с предшествующим твёрдым аллофоном согласного, а вторая – с мягким. Здесь нельзя не провести аналогию с ранее упомянутым типом сингармонизма в древних тюркских языках: а/ä, о/ö, у/ü, и/i [Гилазетдинова, 2010, с. 16].

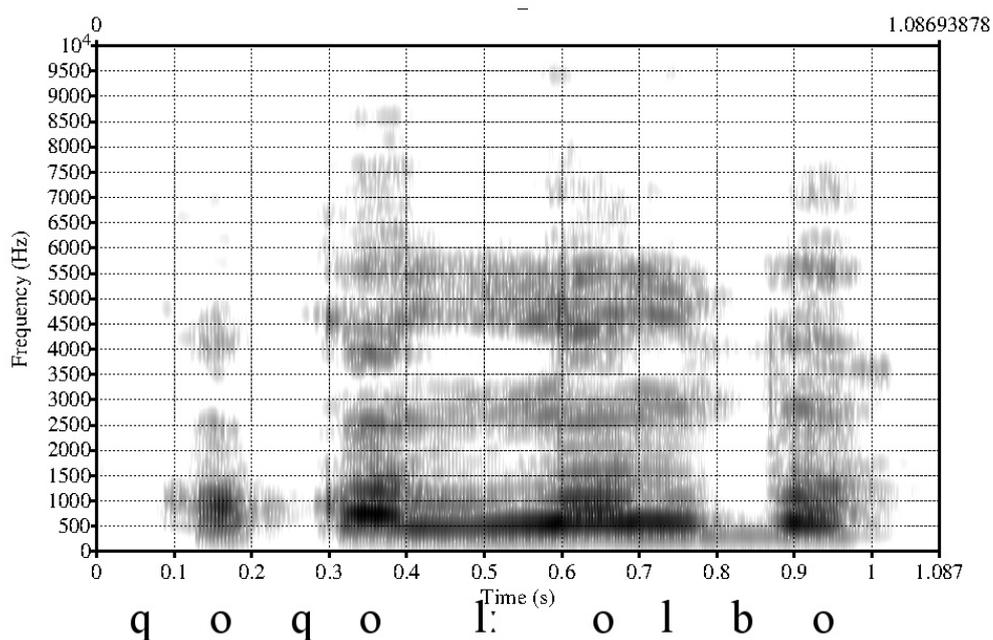
В остальном проявлении сингармонизма в селемджинском говоре эвенкийского языка демонстрирует классические тунгусо-маньчжурские черты: если в корне имеются открытые (широкие) гласные /а/, /а:/, то и суффиксах появляются открытые гласные /а/, /а:/ (напр. см. рис. 3. слово *нанна-л-ба* «шкуры»).

Р и с у н о к 3. Реализация гласной /а/ из слова *нанна-л-ба* «шкуры»

5.2.2 Лабиальный сингармонизм

Особенности проявления лабиального сингармонизма (или губного притяжения) тесно связаны с признаком долготы эвенкийских гласных. Если в корне слова имеется краткая гласная фонема /о/, то и в суффиксах всегда появляется гласная /о/. Это проявление полного лабиального сингармонизма: огубленная /о/ в основе слова влияет на выбор гласных в суффиксах: *коколло-л-бо* «рукавицы» (мн. ч., вин. п.) (см. рис. 4).

Р и с у н о к 4. Реализация слова *коколло-л-бо* «рукавицы»

Если же в основе слова имеется долгая гласная фонема /o:/, то за ней следует гласная /a/, и уподобления по участию губ не происходит: *ō-d'a-ран* «делает», *нōда-ран* «бросил» (основы глаголов *о-* и *нода-*). Учитывая, что оба гласных относятся к первой твёрдорядной группе, палатальная гармония сохраняется, но её нельзя назвать компактностной, поскольку это гласные разного подъёма. На рисунке 5 показана реализация слова *ōнал* «сами делали» (Df2). Из спектра видно, что после корневой долгой гласной /o:/ во втором слого реализовалась фонема /a/ в своём аллофоне [ʌ] – немного более закрытом по сравнению с типичным аллофоном (формантные характеристики составляют: F1–F2 = 641–1559 Гц).

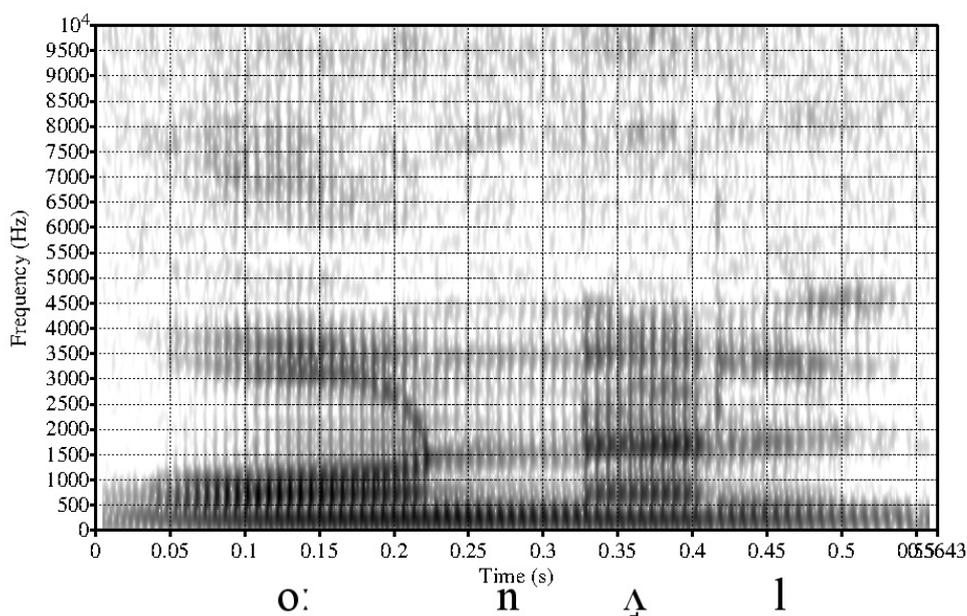

Рисунок 5. Реализация слова *ōнал* «сами делали»

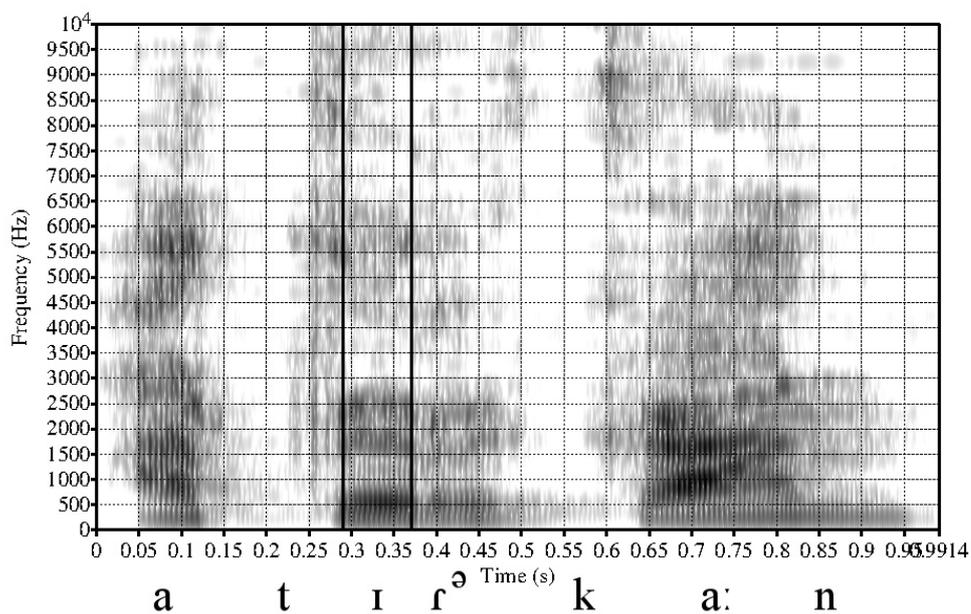
5.2.3. Различение узких и широких гласных /u/ и /i/

Ниже на материале селемджинского говора показаны примеры, демонстрирующие аллофоны краткой гласной переднего ряда верхнего подъёма /i/ и аллофоны краткой гласной заднего ряда верхнего подъёма /u/ в зависимости от характера гласной последующего слога (рис. 6–7).

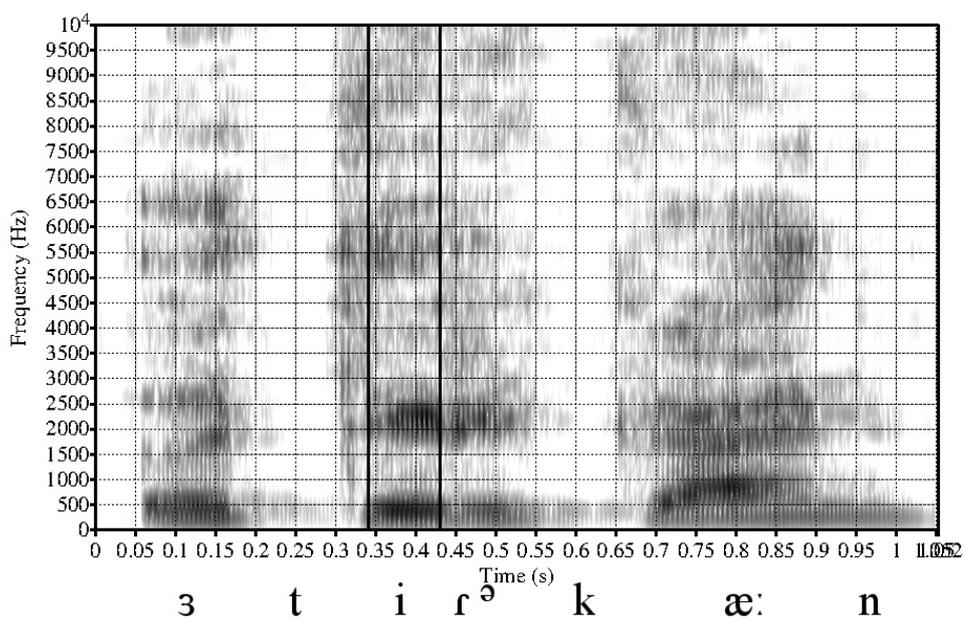
На спектрограмме слова *атыркāн* «старуха» (рис. 6) во втором слоге корня показана реализация краткой фонемы /i/, формантные характеристики которой составляют F1–F2 = 536–1673 Гц, что означает реализацию аллофона переднего отодвинутого назад ряда широкой разновидности [i].

Для сравнения приведена спектрограмма слова *этыркēн* «старик» (рис. 7), где во втором слоге корня показана реализация той же краткой фонемы /i/, однако формантные характеристики её составляют F1–F2 = 413–2005 Гц, что означает реализацию аллофона переднего ряда узкой разновидности [i].

Следовательно, в минимальной паре слов *атырк̄ан* – *этырк̄эн* разница по качеству краткой гласной /i/ очевидна и составляет 123 Гц для F1, и 332 Гц для F2.

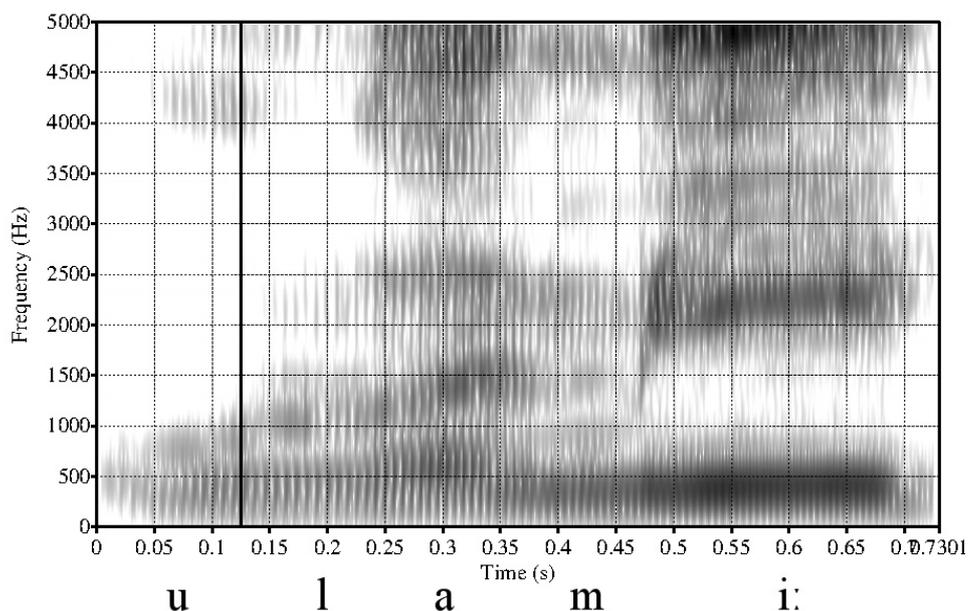
Р и с у н о к 6. Реализация аллофона [i] в слове *атырк̄ан* «старуха»

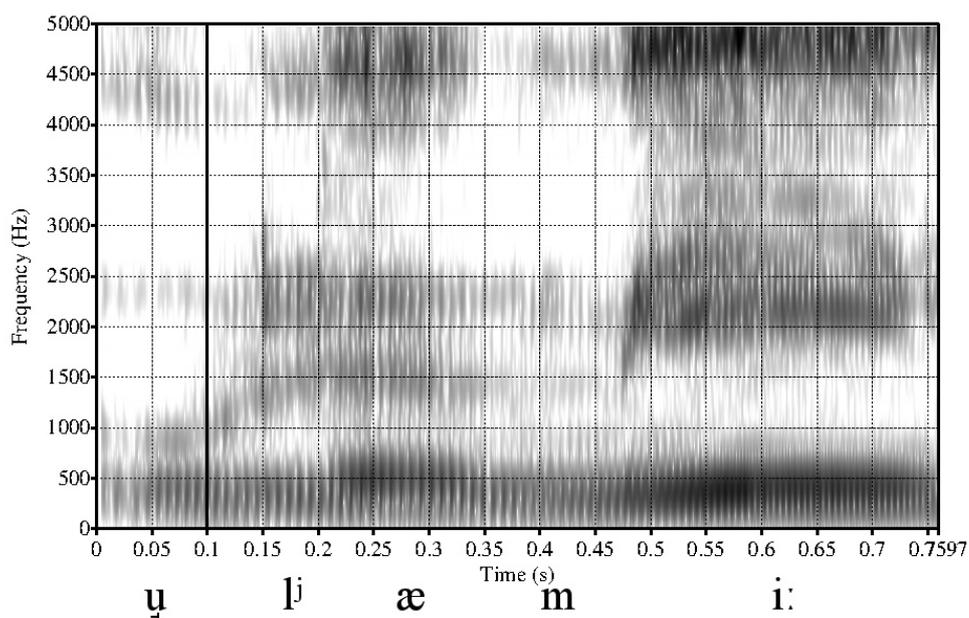
Р и с у н о к 7. Реализация аллофона [i] в слове *этырк̄эн* «старик»

Различия между гласным /u/ твёрдого ряда и гласным /u/ мягкого ряда, согласно формантным значениям, наблюдаются только по ряду. На спектрограмме слова *ула-ми* «мочить» (рис. 8) показана реализация краткой /u/, фор-

мантные характеристики которой – F1–F2= 327–711 Гц, что означает реализацию аллофона глубокого заднего ряда узкой разновидности [u]. На спектрограмме слова *улэ-мй* «копать» (рис. 9) формантные характеристики /u/ составляют F1–F2= 327–827 Гц, что означает реализацию аллофона не столь глубокого заднего ряда [u]. Разница по F2 составляет 116 Гц.

Р и с у н о к 8. Реализация этимологически широкой /u/ в слове *ула-мй* «мочить» F1 = 327 Гц, F2 = 711 Гц

Р и с у н о к 9. Реализация этимологически узкой /u/ в слове *улэ-мй* «копать», F1 = 327 Гц F2 = 827 Гц

6. Заключение

Таким образом, сингармонизм как важнейшая типологическая характеристика, определяющая фонетический облик всей словоформы, вписываясь в обобщённую идеальную гармоническую модель, имеет в каждом из тунгусо-маньчжурских языков и говоров свою специфику реализации, подчиняющуюся строгим системным взаимосвязям и взаимообусловленностям сегментного и суперсегментного уровней. Причины выявленных расхождений следует искать в истории формирования народностей и их языков, в межэтнических и межкультурных взаимодействиях, повлёкших процессы трансформации артикуляционно-акустических баз этносов и, как следствие, вызвавших преобразования фонологических систем.

Анализ литературы выявил противоречия, связанные с сущностью типов сингармонизма и их применением для эвенкийского языка в целом и его селемджинского говора в частности. Во-первых, тембровый сингармонизм, традиционно связанный с рядом (задний vs передний), не всегда имеет отношение к фонологическому ряду гласных в системе гласных фонем и может быть связан с продвижением гласного аллофона вперёд после мягких согласных аллофонов – с умлаутом (гипотетически – и фонем, если в языке есть соответствующее фонологическое противопоставление).

Аналогичная проблема возникает при рассмотрении компактно-го сингармонизма – по подъёму, – который также может быть не связан с фонологическим признаком подъёма гласной в системе гласных фонем. Наконец, понятия тембрового сингармонизма и палатального сингармонизма чётко не разграничены. Наличие / отсутствия необходимости такого разграничения в доступной литературе не обсуждается. Решение этих важных теоретических вопросов ждёт своего исследователя.

Проведённый анализ показал, что селемджинский говор эвенкийского языка характеризуется смешанным типом сингармонизма. Во-первых, присутствует палатальная гармония, регулирующая не только дистрибуцию самих гласных фонем и аллофонов (без умлаута и с умлаутом), но и твёрдых и мягких аллофонов предшествующих согласных в слого. В связи с этим, возможно, в транскрипции следует прибегать к знаку умлаута (ä), что сейчас не используется для эвенкийской транскрипции. Подчеркнём, что в одной гармонирующей группе оказываются гласные, которые в системе гласных относятся к разным рядам (/o:/ vs /e:/ в первой группе), что логически противоречит классическому пониманию тембровой гармонии (по ряду). Полученные данные также идут вразрез с традиционным представлением об эвенкийском сингармонизме как компактно-го (по подъёму). Как было показано на селемджинском материале, гласные одного подъёма оказываются в разных гармонирующих группах (/e:/, /o/, /o:/ в первой группе и /з/, /з:/ во второй – все среднего подъёма), а гласные разного подъёма – в одной (широкие /a/, /a:/ vs среднего подъёма /e:/, /o/, /o:/ – в первой группе).

Во-вторых, имеется частичная лабиальная гармония, которая привязана к признаку фонологической долготы гласного: реализуется для краткой фонемы /o/, но не отмечена для её долгой пары.

Феномен восточного аканья, ярко проявляющийся в селемджинском говоре, может как устранять нарушения гармонии гласных, характерные для литературного эвенкийского и всех западных говоров, в которых фонема /з:/ имеет аллофон [з:], так и нарушать её. Всё это говорит о чрезвычайной нестабильности эвенкийской фонологической системы, что не может не быть следствием статуса исчезающего языка и огромной вариантности, связанной с наличием большого количества наречий и говоров.

Проведённое исследование ни в коей мере не претендует на окончательный или всеобъемлющий характер, а скорее является пилотным. Необходимы дальнейшие теоретические размышления о разных типах сингармонизма, их сущности и вариантности, равно как и более обширные экспериментальные исследования (акустические и перцептивные) как отдельно взятых языков и их диалектов и говоров, так и сопоставительный экспериментальный анализ разных языков, в которых имеется фонологический сингармонизм.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. (Экспериментально-фонетическое исследование) [Текст] / Т. Е. Андреева – Новосибирск : Наука. Сиб. Отд-ние, 1988. – 142 с.
2. Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева : учеб. пособие. -- 2 изд., доп. и перераб. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – 116 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики [Текст] / В. А. Богородицкий. – М.- Л. : Соцэкгиз, 1935. – 354 с.
5. Богородицкий, В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками [Текст] / В. А. Богородицкий. – Изд. 2. – Казань, 1953. – 164 с.
6. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Наука, 1963. – Т. 1. – 384 с.
7. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
8. Булатова, Н. Я. Язык сахалинских эвенков [Текст] / Н. Я. Булатова. СПб. : Б.&К., 1999. – 115 с.
9. Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах [Текст] / Н. Я. Булатова. СПб. : Дрофа, 2002. – 64 с.
10. Бурыкин, А. А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) [Текст] / А. А. Бурыкин // Язык и речевая деятельность. – СПб., 2000. –Т. 3. – Ч.1. – С. 150–180.
11. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Госучпедгиз, 1940. – 196 с.
12. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 352 с.

13. Виноградов, В. А. Сингармонизм и фонология слова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Виноградов. – М., 1966. – 23 с.
14. Гаджиева, Н. З. Тюркские языки [Текст] / Н. З. Гаджиева // Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев; Институт языкознания РАН. – М.: Индрик, 1997. – С. 17–34.
15. Гилязетдинова, Г. Х. Фонетическая адаптация ориентализмов в русском языке XV–XVII вв. [Текст] / Г. Х. Гилязетдинова // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Казань, 2010. – Т. 152. – Кн. 6. – С. 11–24.
16. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л.: Учпедгиз, 1936. – 104 с.
17. Касевич, В. Б. Морфонология [Текст] / В. Б. Касевич. – Л., Издательство Ленинградского Университета, 1986. – 160 с.
18. Кононов, А. Н. О природе тюркской агглютинации [Текст] / А. Н. Кононов // Вопросы языкознания. 1976. – № 4. – С. 3–17.
19. Константинова, О. А. Эвенкийский язык [Текст]: учеб. пособие [Текст] / О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. – М.-Л.: Госучпедгиз, 1953. – 332 с.
20. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л.: Наука, 1964. – 274 с.
21. Котвич, В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. Л. И. Толкачева [Текст] / В. Л. Котвич. – М.: Изд-во ИЛ, 1962. – 373 с.
22. Мешадиева, А. Э. Формальное описание закона гармонии в тюркских языках [Текст] / А. Э. Мешадиева. – Баку: Изд-во «Элм», 2004. – 244 с.
23. Морозова, О. Н. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы [з:] в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец, Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 3. – С. 63–73.
24. Морозова, О. Н. Фонетический портрет селемджинских эвенков [Текст] / О. Н. Морозова, Т. В. Кравец // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2017. – Спец. вып. (32). – С. 5–14.
25. Поливанов, Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию [Текст] / Е. Д. Поливанов. – М., 1991. – 623 с.
26. Реформатский, А. А. Иерархия фонологических систем и явление сингармонизма [Текст] / А. А. Реформатский // Исследования по фонологии. – М., 1966. – С. 184–198.
27. Селютина, И. Я. Вариативность реализации палатального сингармонизма в территориальных говорах языка алтай-кижи [Текст] / И. Я. Селютина // Томский журнал линг. и антр.. – 2014. – № 4 (6). – С. 32–34.
28. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева / отв. ред. Э. Р. Тенишев; Институт языкознания АН СССР. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
29. Суник, О. П. О типах основ и окончаний в тунгусо-маньчжурских языках [Текст] / О. П. Суник // Советское востоковедение. – 1957. – № 6. – С. 97–110.
30. Тенишев, Э. Р. Алтайские языки [Текст] / Э. Р. Тенишев // Языки Мира. Тюркские языки. – Бишкек, 1997. – 543 с.

31. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. – М. : Процесс, 1987. – 560 с.
32. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
33. Черкасский, М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм: опыты исторического исследования [Текст] / М. А. Черкасский. – М. : Наука, 1965. – 142 с.
34. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков [Текст] / А. М. Щербак. – М. : Наука, 1970. – 204 с.
35. Юсифов, М. И. Сравнительная фонетика тюркских языков огузской, группы [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол.наук 10.02.19 / М. И. Юсифов; АН АЗССР, Ин-т языкознания им. И. Насили. – Баку, 1986. – 38 с.
36. Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / В. Н. Ярцева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

References

1. Afanas'eva, E. F. (2010). *Fonologiya i fonetika evenkiyskogo yazyka* [Phonology and phonetics of the Evenki language: A handbook]. Ulan-Ude: Buryat state University.
2. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* (Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language (Experimental phonetic study)]. Novosibirsk : Nauka Press.
3. Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga.
4. Boduen de Kurtene, I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works on General linguistics] (Vol. 1). Moscow : Nauka Press.
5. Bogoroditskiy, V. A. (1935). *Obshchiy kurs russkoy grammatiki* [General course of Russian grammar]. Moscow ; Leningrad : Sotsekgiz Press.
6. Bogoroditskiy, V. A. (1953). *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drugimi tyurkskimi yazykami* [Introduction in the Tatar linguistics in relation to other Turkic languages]. Kazan.
7. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya* [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
8. Bulatova, N. Ya. (1999). *Yazyk sakhalinskikh evenkov* [The Language of the Sakhalin Evenks]. St Petersburg : B&K Press.
9. Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki Language in Tables]. St Petersburg : Drofa.
10. Burykin, A. A. (2000). *Izuchenie fonetiki yazykov malochislennykh narodov Severa Rossii i problemy razvitiya ikh pis'mennosti (obzor)* [The study of the phonetics of languages of small peoples of the North of Russia and problems of development of their writing systems (review)]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost* [Language and speech activity] (Vol. 3, pp. 150–180.). St Petersburg.
11. Cherkasskiy, M. A. (1965). *Tyurkskiy vokalizm i singarmonizm: opyty istoricheskogo issledovaniya* [Turkic vowel system and vowel harmony: Experience of a historical research]. Moscow : Nauka Press.

12. Gadzhieva, N. Z. (1997). Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages] (pp. 17–34); Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow : Indrik Press.
13. Gilazetdinova, G. Kh. (2010). Foneticheskaya adaptatsiya orientalizmov v russkom yazyke XV-XVII vv. [Phonetic adaptation of orientalisms in the Russian language in the XV-XVII centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of the Kazan University. Humanities] (Vol. 152 (6), pp. 11–24). Kazan.
14. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govorov barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [Features of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
15. Kasevich, V. B. (1986). *Morfonologiya* [Morphonology]. Leningrad.
16. Kononov, A. N. (1976). O prirode tyurkskoy agglyutinatsii [The nature of Turkish agglutination]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 4, 3–17.
17. Konstantinova, O. A., Lebedeva, E. P. (1953). *Evenkiyskiy yazyk: Ucheb. posobie* [The Evenki language: A handbook]. Moscow ; Leningrad : Gosuchpedgiz Press.
18. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Leningrad : Nauka Press.
19. Kotvich, V. L. (1962). *Issledovaniya po altayskim yazykam* [Studies on Altaic languages]. Moscow : IL Press.
20. Meshadieva, A. E. (2004). *Formal'noe opisanie zakona garmonii v tyurkskikh yazykakh* [A formal description of the law of vowel harmony in Turkic languages]. Baku : «Elm» Press.
21. Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kravets, T. V., Protsukovich, E. A. (2017). Glasnye realizatsii na meste kanonicheskoy dolgoy fonemy [ɜ:] v selemdzhinskom govore evenkiyskogo yazyka i ikh fonologicheskii status [Phonetic Patterns of Canonical /ɜ:/ in the Selemdzha Accent of the Evenki Language and their Phonological Status]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 63–73.
22. Morozova, O. N., Kravets, T. V. (2017). Foneticheskii portret selemdzhinskikh evenkov [Phonetic Portrait of Selemdzha Evenks]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia], 32, (5–14).
23. Polivanov, E. D. (1991). *Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu* [Works on Oriental and General Linguistics]. Moscow.
24. Reformatskiy, A. A. (1966). Ierarkhiya fonologicheskikh sistem i yavlenie singlarizma [Hierarchy of phonological systems and the phenomenon of vowel harmony]. *Issledovaniya po fonologii* [Studies in phonology] (pp. 184–198). Moscow.
25. Serebrennikov, B. A., Gadzhieva, N. Z. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Sintaksis* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Institute for Linguistic Studies; Academy of Sciences of the USSR. Moscow : Nauka Press.
26. Shcherbak, A. M. (1970). *Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov* [Comparative phonetics of Turkic languages]. Moscow : Nauka Press.

27. Seljutina, I. Ja. (2014). Variation in articulation of palatal synharmonism in territorial idioms of Altai-Kizhi language. *Tomsk Journal Ling & Anthro*, 4 (6), 32–34.
28. Sunik, O. P. (1957). O tipakh osnov i okonchaniy v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [On the types of word bases and suffixes in the Tungusic languages]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], 6, 97–110.
29. Tenishev, E. R. (1997). Altayskie yazyki [Altaic languages]. *Yazyki Mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Bishkek.
30. Trubetskoy, N. S. (1987). *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works in Philology]. Moscow : Protsess.
31. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
32. Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The Outline of Evenki (Tungus) language Grammar]. Leningrad : Gosuchpedgiz Press.
33. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The Outline of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
34. Vinogradov, V. A. (1966). *Singarmonizm i fonologiya slova* [Synharmonism and word phonology]. PhD. in Philological sci. dis. Moscow.
35. Yartseva, V. N. (2000). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'*. *Yazykoznanie* [Great encyclopedic dictionary of Linguistics]. Moscow : URSS Press.
36. Yusifov, M. I. (1986). *Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov oguzskoy, gruppy* [Comparative phonetics of Turkic languages of the Oghuz group]. Doctoral dis. in Philological. sci. Baku : The Academy of Sciences. The Institute of linguistics of Azerbaijan.